

ТАТЬЯНА БЕК, ПОЭТ, ЭССЕИСТ, ПЕРЕВОДЧИК —

В ВОСПОМИНАНИЯХ ТЕХ, КТО ЕЕ ЛЮБИЛ

ПАМЯТЬ

Владимир ВОЙНОВИЧ

Прощай, Таня

Умерла Татьяна Бек. Взявшись за некролог, я написал эту фразу и на ней надолго застыл. Потому что никак не могу поверить в реальность заключенного в ней смысла. Дожив до преклонного возраста, я похоронил уже длинную колонну родных, близких друзей, добрых знакомых, и дорога на кладбище стала для меня слишком проторенной. Кажется, мог бы привыкнуть. И, правду сказать, привык. Но тут как обухом по голове. Умерла Татьяна, Таня, Танечка! Ближайший друг мой и моей жены, за год до того тоже ушедшей...

Я познакомился с Таней когда-то, сперва подружившись с ее отцом Александром Альфредовичем, известным писателем и своеобразной личностью, о котором дочь впоследствии написала: «был он ерник и затворник, и невесть чего поборник». А она сама была еще тринадцатилетней школьницей, живой, смешной и смешливой. Хотя с тех пор прошла уйма времени, и она успела перешагнуть даже пенсионный рубеж, и дружба наша была на равных, но все-таки осталось что-то от той дистанции, которая бывает между взрослым человеком и подростком. В чем-то подростком она и осталась. По-подростковому была пряма, категорична, задириста, колюча и обидчива. Личная жизнь у нее не очень сложилась, но литературная судьба вышла вполне удачной. Она выросла в крупного поэта, была замечательным критиком, тонким эссеистом, переводчиком, мемуаристом и педагогом. Талантливая и трудолюбивая, она много лет за грошовую зарплату работала в журнале «Вопросы литературы» и в Литинституте. Выпустила около десятка поэтических сборников, а критических работ написала бесчисленно. Последнее время вела критическую колонку в «Независимой газете». Будучи критиком честным и неподкупным, прочитанные книги оценивала объективно, независимо от личных симпатий или анти-

Владимир Войнович.
«Татьяна Бек с кошкой»

патий к разбираемым авторам. Вежливо, но твердо останавливала чьи-нибудь хлопоты о положительной рецензии по знакомству. Она превратила в особый жанр записанные ею беседы с писателями, которые печатала раньше в «Вопросах литературы», а затем в журнале «Лехаим». В этих беседах она вытягивала из собеседников, даже не очень ярких, что-то такое, что делало эти беседы глубоко содержательным и увлекательным чтением. Она успела вырастить несколько поколений студентов, для которых была любимым преподавателем. Многим из них помогала советом, делом, иногда, в пределах собственных скромных возможностей, и деньгами. Постоянно вытаскивала из каких-то историй своего друга Рафика, которого неоднократно упоминала в стихах и в прозе. Этот Рафик, бывший детдомовец, простой рабочий, мастер на все руки, страстный книголюб и забудыга, чинил у нее, у всех ее знакомых (у меня тоже) сантехнику, электрику, мебель и все, что угод-

С Ириной и Владимиром
Войновичами. 1991 г.

АЛЕКСАНДР КАРЗАНОВ

смесь православной христианки с язычницей. Ходила (нечасто) в церковь, ставила свечи во здравие и за упокой, в то же время была очень мнительной, верила в приметы, в сглаз, ясновидение и гадания и сама гадала на картах, о чем часто просила ее моя дочь.

Когда-то она написала стихи, в которых наметила план своей жизни и линию поведения: «Я буду старой, буду белой, / Глухой, нелепой, неумелой, / Дающей лишние советы, / Ну, словом, брошка и штиблеты. / А все-таки я буду сильной, / Глухой к обидам и двуязыльной, / Не на трибуне «тары-бары», / А на бумаге мемуары. / Да, независимо от моды, / Я воссоздам вот эти годы / Безжалостно, сердечно, сухо. / Я буду честная старуха». До того, чтобы стать белой и глухой, она не дожила, но главное обещание выполнила. Была честным (к сожалению, до негибкости) человеком (назвать ее старухой у меня язык не поворачивается), бескомпромиссным, иногда чересчур. Когда близкие ее друзья совершили поступок, который ей показался не украшающим их, она об этом прямо сказала в печати. Безжалостно и сухо. Но глухой к обидам не оказалась и двуязыльной, увы, не была. Задетые критикой, бывшие друзья обрушили на нее по телефону поток проклятий. В выражениях не стеснялись. Она впала в депрессию. Недельку не ела, пила, курила и плакала. Я эти дни общался с ней по телефону (домой не пустила). Пытался успокоить. То же делали ее близкие. В воскресенье она позвонила и почти бодрым голосом сказала, что приходит в себя. Что потеряла четыре килограмма веса и еще пошутит, что открыла надежный способ быстрого похудения. А в понедельник умерла, и так нелепо. Ведь на самом деле не было по-настоящему серьезной причины. У меня осталось чувство вины. За то, что не сказал или не сделал чего-то важного, чего она, может быть, ожидала. Мне моя дочь, которая тоже Таню очень любила, сказала: «Была бы мама жива, она не дала бы Тане умереть». И я думаю, что это правда. Ира, моя покойная жена, умела на нее влиять, как, наверное, никто. А я не сумел. Прощай, Танечка, и прости. ■

Ни-ког-да

ЛИЧНОСТЬ

Нина ГОРЛАНОВА

«Вдохновение (точнее сказать — лихоманка) являлось ко мне в форме боли, восторга или иного какого озноба, от переизбытка коих я просто не могла избавиться другим путем. Стихосложение было и остается для меня доморощенным, знахарским видом самоврачевания... так больному в старину «пускали кровь» (Татьяна Бек. «Узор из трещин». — М., ИК)

Сжала губы полубантиком,
Полу — нищим узелком...

Эти строки Тани мне всегда казались такими нужными, как и она сама. И вот уже нет Танечки! А ведь всего месяц тому назад она написала мне по электронной почте: «Как хорошо, что закончился тяжелый год Обезьяны с ее ужимками, надеюсь, что Петух снесет нам много золотых яиц (шутка)!»

...Тане нужно было взять у меня интервью для «Вопросов литературы». И она пригласила меня к себе домой. То есть сначала позвони-

ла мне в Пермь, я сказала, что буду в Москве такого-то... Выходит, что мы познакомились всего два с половиной года тому назад! Но поскольку электронная почта нынче дает возможность общаться «на воздушных путях» (иногда — три раза за день!), то и дружба по переписке может быть гораздо интенсивнее. На что в XX веке уходило десятилетие, в XXI — свершается за год. У меня такое впечатление, что мы продружили всю жизнь, что знали друг о друге практически все.

Первого августа 2002 года в Москве был жуткий смог, по радио объявляли, какие меры предосторожности нужно предпринять, чтобы не заболеть. И Таня поставила на пол керамические сосуды с водой. Начался разговор, который шел с утра до самого вечера (вечером у меня был поезд в Пермь). Таня задавала совершенно необычные вопросы:

— Много ли в вас, нынешней, от той девочки, которой вы были в детстве?

— Вы — когда читаете — ищите в кните утешения или правды?

Мы и поспорили, и посмеялись, Таня рассказала мне про своих студентов из литин-

ститута (она их очень любила!). Затем мы поели (Танечка пожарила курицу), еще я подарила Тане свои картины, а она мне — много красивых вещей («Прислали друзья — кое-что оказалось мало мне», — сказала она). Еще она поразила меня тем, что все время бросалась к телефону. Если я говорила, что по Войновичу мои дети поставили спектакль, она звонила Войновичу и просила его новую книгу для меня:

— Вот мы сейчас пойдем, мы зайдем и возьмем...

Так что в итоге я увезла еще много роскошных книг и альбомов. Таня меня проводила до метро и помахала вслед. Больше я ее не видела (телевизор не считается).

Наша переписка началась как вполне деловая: Таня прислала интервью, чтобы я вычитала его. Я ответила — и поехало. Но порой ни одного письма за целый месяц я не получала — Таня часто уезжала из Москвы. Зато вернувшись, присылала какую-то смешную историю, выдержку из сочинения старшеклассника, занимательную анкету.

Однажды она написала про свое плохое на-

строение, и я предложила свое коронное средство — ее сосватать. Таня сразу и категорически отказалась. «Замуж я не хочу, но еще не теряю надежды, что в моей жизни случится большая романтическая любовь, пусть даже и без ответа».

И снова от нее приходили посылки с журналами, книгами, какими-то красивыми ручками-карандашами. Вдруг нынче летом Таня шлет письмо за письмом: «Нина, мне очень нужно, чтоб вы написали картину, где есть ворона». «Нина! Можно ворону зимнюю, можно ворону летнюю. Мне это важно, я потом объясню, в чем дело».

Теперь никогда уже не объяснит! Ворон я, конечно, сразу написала (и зимнюю, и летнюю), а еще — написала портрет Танечки с вороной на плече («Женщина с вороном»). Потом, когда у Тани случился перелом ноги «имени Лужкова» (так она пошутит), я уже пожалела, что этих ворон согласилась написать, но поздно...

Остались мне сапожки от Танечки, остались всем нам ее прекрасные стихи! Но никогда она уже не будет «хорошей старухой», как собиралась! Ни-ког-да... ■